

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 24–33

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 24–33

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-24-33>, EDN: CCTWDO

Научная статья

УДК [94+355.48](47-13)|1941/1944|:930(470+571)

Феномен коллаборационизма на оккупированных нацистской Германией территориях СССР (1941–1944 гг.): точки зрения и оценки в историографии

Е. М. Малышева

Адыгейский государственный университет Россия, 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208

Малышева Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории, emalysheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6633-2479>, AuthorID: 240162

Аннотация. По теме коллаборационизма и смежным с ней проблемам создана обширная отечественная и зарубежная историография. Цель настоящей статьи – рассмотрение феномена коллаборационизма и форм его проявления на временно оккупированных территориях южных регионов России, Крыма, Северного Кавказа, сравнение подходов исследователей в понимании его сущности, форм и масштабов. На основе анализа оценок этого сложного социального феномена и обзора наработок новейшей отечественной историографии сформулирован вывод о необходимости дальнейшего исследования темы. Востребовано более масштабное введение в научный оборот таких документов, как отчеты о военных операциях противника, докладные записки и приказы, находящиеся в зарубежных архивохранилищах, а также дополнительное привлечение исторических источников личного происхождения. Важность обращения к этой проблеме вызвана не в последнюю очередь попытками современных антироссийских сил пересмотреть и подвергнуть ревизии итоги Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: нацизм, агрессия, коллаборационизм, историография, историческое сознание, оккупация, информационная война, фальсификация

Для цитирования: Малышева Е. М. Феномен коллаборационизма на оккупированных нацистской Германией территориях СССР (1941–1944 гг.): точки зрения и оценки в историографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 24–33. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-24-33>, EDN: CCTWDO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The phenomenon of collaborationism in the territories of the USSR occupied by Nazi Germany (1941–1944): Points of view and assessment in historiography

E. M. Malysheva

Adyge State University, 208 Pervomayskaya St., Maykop 385000, Republic of Adygea, Russia

Elena M. Malysheva, emalysheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6633-2479>, AuthorID: 240162

Abstract. An extensive domestic and foreign historiography has been created on the topic of collaborationism and related problems. The purpose of this work is to consider the phenomenon of collaborationism and the forms of its manifestation in the temporarily occupied territories of the southern regions of Russia, the Crimea, the North Caucasus, to compare the approaches of researchers in understanding its essence, forms and scales. Based on the analysis of assessments of this complex social phenomenon and a review of the developments of the latest domestic historiography, a conclusion was made about the need for further research on the topic. A larger-scale introduction into scientific circulation of such documents as reports on military operations of the enemy, memorandums and orders located in foreign archives, as well as additional involvement of historical sources of personal origin, is in demand. The importance of addressing this problem is caused not least by the attempts of modern anti-Russian forces to revise and revise the results of the Great Patriotic War.

Keywords: nazism, aggression, collaboration, historiography, consciousness, occupation, information warfare, falsification

For citation: Malysheva E. M. The phenomenon of collaborationism in the territories of the USSR occupied by Nazi Germany (1941–1944): Points of view and assessment in historiography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 24–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-24-33>, EDN: CCTWDO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Коллаборационизм в разных масштабах и формах наблюдался во всех без исключения оккупированных Германией странах и первоначально определялся как военное, политическое и экономическое сотрудничество с нацистской Германией во Второй мировой войне. В 1940 г. глава режима Виши во Франции маршал Петен призвал нацию к сотрудничеству. Позже термин стал применяться к правительствам других оккупированных стран Европы, в частности по отношению к правительству Квислинга в Норвегии. К коллаборационистским непосредственно относились также военные организации граждан оккупированных нацистским блоком стран, такие как «Русская освободительная армия Власова», РОА, РННА, национальные дивизии СС, в том числе европейских стран. Глубокое освещение этого социального явления представлено в научном труде известного российского ученого, военного историка М. И. Семиряги, опубликовавшего в 2000 г. исследование «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны». В этой работе, обогатившей отечественную историографию, предложена классическая типология коллаборационизма, с которой согласились многие исследователи. «Коллаборационизм во всех войнах, – пишет М. И. Семиряга, проявлялся на бытовом уровне или имел более серьезный – административный, экономический или военно-политический характер. Если пренебречь бытовым коллаборационизмом (в виде участия на танцах, вечеринках или в кино совместно с солдатами противника), то административный коллаборационизм проявлялся в деятельности местных органов власти, созданных оккупантами [1, с 10].

Другие точки зрения в оценке коллаборационизма – сложного социального феномена XX в., в частности, как предложения выделить «детский», «половой» и иные «формы» коллаборационизма, можно оценить не иначе, как попытку предложить «псевдооригинальную классификацию», не выдерживающую критики [2].

Тема коллаборационизма, выйдя из «запретной» нежелательной ниши, стала привлекать интерес исследователей, открылся доступ к архивным документам спецхрана – важной группе источников, ранее недоступных исследователям. В 90-е гг. становятся доступными новые источники, продолжается публикация архивных документов, в том числе зарубежных архивов, постепенно делаются доступными накопленные колоссальные объемы информации, в свет выходят индивидуальные и коллективные труды историков. Так, коллектив Института Российской истории (ИРИ) РАН, Российского исторического общества и фонда «История Отечества» в соответствии с распоряжением Президента РФ В. В. Путина работают над реализацией проекта

по изданию многотомной истории России, один из томов которой посвящен истории Великой Отечественной войны. Ответственным редактором этого тома назначен руководитель Центра по изучению истории Великой Отечественной войны ИРИ РАН Сергей Валерьевич Кудряшов.

В интервью по случаю 80-летия начала Великой Отечественной войны, отвечая на вопросы вестника «Воронцово поле», были затронуты вопросы, вызывающие дискуссии в исторической науке и профессиональном сообществе историков – специалистов по Великой Отечественной войне. С. В. Кудряшов отметил, что «современное поколение историков находится в весьма благоприятных обстоятельствах. Рассекречены миллионы документов, и многие сюжеты изучены досконально. Однако история – противоречивый процесс, не все аспекты жизни находят отражение в документах. Это объективно создает большое поле для различных интерпретаций» [3].

В историографии темы неоднократно отмечалось, что коллаборационизм, в отличие от патриотизма, как правило, вызывает общую негативную оценку в общественном мнении. В послевоенной отечественной историографии эта тема не была в фокусе внимания исследователей в силу целого ряда причин, в том числе недоступности засекреченной документальной базы. Априори доминировало традиционное суждение, которое оценивало сам факт сотрудничества советских граждан с германскими оккупационными органами как «предательство и измена Родине». Формы и методы сотрудничества, специфика борьбы с оккупантами в разных странах, особенности сопротивления режиму рассматриваются в широком диапазоне от бытового до военно-политического коллаборационизма. Как феноменальное социальное явление коллаборационизм в период Второй мировой войны обнаружил и проявил себя в разных масштабах и формах во всех без исключения двенадцати частично или полностью оккупированных нацистской Германией странах Европы. Имел место и «советский» коллаборационизм, в первую очередь в захваченных регионах Советского Союза, РСФСР, в частности на территории подвергшихся оккупации союзных республик Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Белоруссии. У народов этих регионов агрессивной оккупационной политикой нацистской Германии были отняты и жестоко попораны такие естественные, являющиеся врожденными и неотъемлемыми права любого человека, как право на жизнь, свободу и собственность.

Политика и «практика» возведения арийской расы на мировой олимп, стремление к максимальной эксплуатации ресурсов, жестокость оккупационных властей на захваченной чужой территории вызвали как коллаборацию, вызванную «стратегией выживания», так и движение

народного Сопrotивления. Во все времена измена Родине, предательство и сотрудничество с врагом вызывали в российском обществе неприятие и негативную оценку в отличие от патриотизма и верности идее защиты Отечества от иноземного захватчика. Число граждан оккупированных нацистской Германией стран Европы, согласившихся на сотрудничество, коллаборацию, и количество участников движения Сопrotивления, по выводам М. И. Семиряги, было примерно равным, в отличие от Советского Союза, где в сотрудничество с оккупационными властями в разных сферах была вовлечена незначительная часть граждан СССР, но не большинство, о чем свидетельствуют итоги войны, получившие освещение в историографии проблемы. Установка немецких оккупационных властей, согласно которой на Востоке сама жестокость является «благом», и славяне, к которым не надо «проявлять никакого ложного сочувствия», а только эксплуатировать на благо Германии, вызвала адекватную реакцию народов захваченных советских регионов.

Целый ряд социальных, политических, экономических и иных факторов стали причиной советского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Коллаборация была как вынужденной, например, в экономической области, при использовании труда на предприятиях, в торговле, сфере услуг, транспорте и т. д., так и осознанной, вызванной политическими предпочтениями и идеологическими установками.

Не последнюю роль сыграли просчеты и социальные издержки советской власти в период «форсированного строительства социализма в СССР» в предвоенный период. Свою роль сыграли в том числе обиды на советскую власть за экспроприацию собственности, насильственную коллективизацию, неприятие государственной политики «воинствующего атеизма», чем воспользовались оккупанты, открывавшие мечети, церкви, фарисейски поддерживая «приверженность» исламской конфессии кавказско-тюркских народов на оккупированной территории южных районов РСФСР, Северного Кавказа и Крыма. Сложилась достаточно обширная историография коллаборационизма, отразившая эти и сопутствующие социальные процессы 1941–1945 гг. [4, с. 305–339], публикуются оценки достижений отечественной и зарубежной историографии коллаборационизма [5, с. 117–125].

Тема коллаборации горских народов нашла отражение в коллективной монографии «Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. Проблемы истории, историографии и источниковедения», изданной в 2012 г. [6].

В сборнике статей по истории советского коллаборационизма даются авторская интерпретация и обзорный историко-правовой анализ терминологии коллаборационизма [7].

Великая Отечественная война стала одним из важнейших народных «мест памяти», сформировавших основы идентичности советских граждан военного и послевоенных поколений. Несмотря на преобладающее в российском обществе отношение к Великой Отечественной войне советского народа как войне справедливой, освободительной, в современной литературе, посвященной событиям 1941–1945 гг., до сих пор нередкими являются недоброжелательные толкования и прямые фальсификации фактов отечественной истории военного периода [8, с. 63–70].

Итоги Великой Отечественной и Второй мировой войны показали, что желание сохранить свою жизнь любой ценой и пойти на сотрудничество, в том числе дать присягу «на верность Гитлеру и великой Германии» (военный коллаборационизм), не определяли общественное сознание большинства советских граждан. И этот факт находит признание в европейской историографии, в частности стран, находившихся в союзе с нацистской Германией. По оценкам ряда ученых, представителей воевавших с нами государств в том числе Германии и Италии, в мотивации коллаборантов доминировала не политическая составляющая, а стратегия выживания.

Так, итальянский историк Джузеппе Боффа отмечает, что западные историки после окончания войны стали писать, что советские комбатанты, вошедшие в изменнические формирования, были «антисоветской и антисталинской» оппозицией: «На самом же деле речь шла о куда более элементарном явлении, в котором сознательный политический выбор играл очень незначительную роль.... Если немцам и удалось наберечь некоторое количество людей, согласившихся сотрудничать с ними, то результат этот был достигнут не столько с помощью политических средств, сколько с помощью самого элементарного шантажа голодом. Метод этот применялся как к военнопленным, уцелевшим после первых массовых казней, так и к гражданскому населению. Хотя немцы и отказывали ему в каком бы то ни было самоуправлении, но все же им нужны были хоть какие-то местные администраторы, которые бы беспрекословно выполняли их приказы (в городах их называли на немецкий лад – бургомистрами, а в деревнях – старым русским словом “староста”» [9, с. 73].

Ряд исследователей особый акцент делают на военный коллаборационизм. Необходимо согласиться с общим выводом, согласно которому основные по значимости и соответствию коллаборационизма – военные формирования вермахта и СС из нерусских народов СССР – оказались «недееспособными», и идея их эффективного использования Германией не была реализована, фактически провалившись.

Несостоятельна рефреном повторяющаяся с военного периода в зарубежной историографии оценка коллаборационизма в качестве некоей антисоветской «третьей силы», борющейся с «режимом Сталина». В 1987 г. в Мюнхене вышла в свет книга немецкого историка Ганса Вернера Нойлена «Европа и Третий Райх. Проекты объединения германских властных структур 1939–1945 годов». Анализируя различные мотивы коллаборационизма в оккупированных Германией странах Европы, Нойлен в советском коллаборационизме подчеркивает роль «национальной антикоммунистической идеи как стимула развития коллаборации» у участников Русской освободительной армии – РОА, а также коллаборантов из казачества и калмыков. В подтверждение он приводит германские источники, в которых зафиксировано, что крымско-татарские добровольческие формирования были созданы из 10 тыс. татар, призванных в РККА в 1941 г., большинство из которых не попали на фронт. Они остались в оккупированном Крыму и были привлечены к сотрудничеству с оккупационными властями. Мотивацию народов Кавказа, Закавказья, Прибалтийских республик Нойлен обосновывает стремлением к «суверенитету и национальной независимости» [10].

В 2005 г. была опубликована монография казанского исследователя И. А. Гилязова «Легион «Идель-Урал», в которой с привлечением значительного пласта архивных материалов, рассматривается германская политика мобилизации и привлечения представителей народов Поволжья и Приуралья под знамена «Третьего рейха» [11]. В 2009 г. публикуется вторая монография этого автора, посвященная одному из восточных изменнических формирований в составе вермахта – истории Волго-татарского легиона «Идель-Урал». Попытки «реабилитации» этнического коллаборационизма кавказско-тюркских формирований, создававшихся германским вермахтом с различной степенью «успешности» их использования нередки, они находят отражение в историографии. И. А. Гилязов пишет, что «почти никто из советских коллаборационистов не был убежденным национал-социалистом. Идеи национал-социализма для советских граждан оставались мало привлекательными. Потому они и уповали, в основном, на военную мощь Германии, полагая, что такой союз будет временным, что в скором будущем они смогут избавиться от политического опекуна Третьего рейха» [12].

Встречающиеся в историографии «примеры двойного стандарта» в оценках причин, проявления и масштабов коллаборационизма не редки в силу целого ряда причин, что свидетельствует в том числе о необходимости дальнейшей разработки этого сложного многоаспектного социального явления [13]. Особый

интерес к изучению татарского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны в советской историографии был связан с признанием героизма старшего политрука Мусы Мустафовича Залилова, сегодня широко известного Героя Советского Союза – поэта под псевдонимом Муса Джалиль. Его имя до 1956 г. не упоминалось в литературе, так как он в 1946 г. органами государственной безопасности был несправедливо обвинен в сотрудничестве с нацистами в составе коллаборационистского комитета «Идель-Урал». Объяснялось это тем, что выжившие в плену в нацистских концлагерях некоторые военнопленные «свидетельствовали», что «сотрудник комитета «Идель-Урал» Муса Джалиль агитировал вступать в восточные батальоны вермахта», то есть был пособником нацистов [14]. На самом деле мужественный сын татарского народа, в результате тяжелого ранения попавший в плен летом 1942 г., стал одним из организаторов коммунистического подполья в коллаборационистском легионе «Идель-Урал». 25 августа 1944 г., пройдя фашистские застенки Латвии, Литвы, Польши, Германии, 38-летний старший политрук 2-й ударной армии Муса Джалиль был казнен на гильотине в военной тюрьме Плётцензея в Берлине [15]. Свидетельством негибаемого мужества этого человека стала в том числе его «Моабитская тетрадь», в которой опубликованы 93 стихотворения поэта, написанные в концлагере – свидетельства его стойкости и верности присяге [16]. Пронзительные строки одного из них Муса Джалиль написал в ноябре 1943 г.:

«Увы, не тысячу, а только сто в сраженье
Я уничтожить смог подобных палачей.
За это, возвратясь, я попрошу прощенья,
Колена преклонив, у Родины моей».

К 115-й годовщине со дня рождения Мусы Джалиля вышла монография Р. Мустафина, посвященная жизни поэта, его биографии и перипетиях памяти о тяжелой героической и одновременно трагической военной действительности, в которой могла затеряться или исказиться судьба одного человека [17].

В новейшей отечественной историографии в связи с появлением новых источников и применением современных методик обозначился рост исследовательского интереса к социальной истории периода Великой Отечественной войны, особенно к ее культурно-ментальным и социально-психологическим аспектам. Несомненно, определяющее значение для более глубокого и детального исследования истории войны имело рассекречивание архивных фондов и публикации сборников документов.

В 2011 г. вышла из печати монография член-корреспондента РАН, доктора юридических наук В. С. Христофорова «Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг.», вызвавшая интерес

не только специалистов – историков и правоведов, но и широкой читательской аудитории [18].

Проблема коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны получила развитие в новейшей российской историографии. Выстроились различные оценки уровня, форм и масштабов этого социального явления. Высказываются разные точки зрения на типологию и формы проявления коллаборационизма, его особенности, мотивацию поступков и причинно-следственные связи истории социальных отношений в предвоенный период и в экстремальных условиях войны. Это касается не в последнюю очередь масштабов коллаборационизма в СССР военного периода: тема активно дебатруется в исследовательском дискурсе отечественных и зарубежных историков. Дискуссионным остается вопрос о численности добровольцев сражавшихся с оружием в руках в рядах вермахта и СС, а также так называемых «хиви» (Hilfwillige, нем. – добровольный помощник). Авторами приводятся статистические сведения, в которых цифры порой существенно различаются. Согласно данным, содержащимся в послевоенной советской печати, численность военнопленных, пошедших на службу нацистской Германии, оценивалась в 1 млн чел. [19, с. 34–42]. Самой многочисленной категорией советских граждан, поступивших на службу германской армии, были так называемые «хиви»

В войну против Советского Союза руководством Третьего рейха было вовлечено до 2 млн чел. из оккупированных стран Европы. Из завербованных «добровольцев» создавались отдельные воинские формирования, в которые вошли представители Франции, Нидерландов, Дании, Норвегии, Хорватии, а также советские люди, оказавшиеся в плену или на оккупированной территории. Оценка их численности различается в исследованиях историков. В среднем в пехотной дивизии насчитывалось до 10% добровольцев, а в транспортных колоннах их количество доходило до половины численного состава. На довольствие они зачислялись, а их потери воинской частью не учитывались. Организационно «хиви» не входили в добровольческие формирования. Они зачислялись в части вермахта обслуживающим персоналом, ставились на довольствие, использовались в качестве подсобной рабочей силы в пищеблоках и ремонтных мастерских, шоферов, возниц и т. д. [2, л. 68–69].

Историографию Великой Отечественной войны обогатило статистическое исследование «Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил» под редакцией Г. Ф. Кривошеева. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер считал, что число безвозвратных потерь не входивших в вермахт воинских формирований достигало 40 % их общей численности. Однако, по мнению Г. Ф. Кривошеева, система учета потерь

контингента этих формирований неизвестна и определить их по немецким документам невозможно [21; 22].

По данным, опубликованным в издании «Война Германии против Советского Союза, 1941–1945» приводятся сведения, согласно которым в начале 1943 г. в вермахте «числилось до 400 тыс. «хиви» [23, с. 140]. По информации рейхскомиссариатов, в полицейских формированиях в 1943 г. числилось до 300 тыс. чел. [24, с. 157]. М. А. Гареев, доктор военных и исторических наук, военный теоретик, называл цифру общего количества коллаборационистов в 200 тыс. чел., подчеркивая, что в боевых вооруженных формированиях вермахта насчитывалось около 100 тыс. чел. [25, с. 42–52]. По данным американской Комиссии во главе с генералом Вудом, о результатах анализа сведений, содержащихся в документах германского Управления по делам военнопленных численность советских солдат и офицеров, завербованных в вермахт, суммарно составляла 100 тыс. чел. [26, с. 153–163]. Известный германский ученый, профессор Гейдельбергского университета К. Штрайт в своем объемном труде «“Они нам не товарищи...”». Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг.», впервые опубликованном на русском языке в 2009 г., высказывает точку зрения, согласно которой называемое в историографии количество советских людей, вступивших на путь политического сознательного коллаборационизма, составляло от 800 тыс. до 1 млн, не соответствует историческим реалиям [27]. Это издание, вызвавшее острые дискуссии в российской и германской историографии, признано хрестоматийным. Сведения о количестве погибших в немецких концлагерях советских военнопленных, опубликованные Штрайтом, считаются наиболее объективными и являются свидетельством преступной сути нацистского режима «Третьего рейха».

По данным, опубликованным руководителем Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института Российской истории РАН С. В. Кудряшовым, число участников активного военного сотрудничества составляло 250–300 тыс. чел. из 1 млн чел. общего состава коллаборационистов [28, с. 84–98]. С. И. Дробязко пишет, что коллаборационисты составляли 1,3–1,5 млн чел. Из них в добровольческих вспомогательных службах числилось 500–675 тыс. чел.; в полиции – 70 тыс. чел.; восстановительных батальонах – 80 тыс. чел.; казачьих формированиях – 55–60 тыс. чел.; в туркестанских и кавказских частях – 150 тыс. чел. [29, с. 131–133].

В новейшей российской историографии в связи с появлением новых источников и применением современных исследовательских методик обозначился рост научного интереса к соци-

альной истории Великой Отечественной войны, особенно к ее культурно-ментальным и социально-психологическим аспектам.

Особый интерес вызывают такие темы, как ментальные основы массового и индивидуального сознания, взаимоотношения общества и власти, духовный мир как комбатанта, так и труженика тыла, попавшего в пограничные условия несвободы: депортации, плена, положения «остарбайтеров» [30] и др. К этой тематике относится также влияние социальных аномалий на поведение человека в экстремальной ситуации войны, исследование различий в поведенческих моделях защитника родной земли и врага, захватчика, оккупанта.

История народов Северного Кавказа в военные годы в силу полиэтничности населения региона, а также нарушения прав ряда народов, выразившегося в несправедливой тотальной депортации, стала одной из наиболее сложных проблем в отечественной историографии. В национальных региональных исследованиях при обращении к прошлому разворачиваются полемики, наблюдаются политизированность и столкновение интересов различных этнических и социальных групп, что отмечается в историографии проблемы. Тема вклада в Победу над нацистской Германией народа Чечено-Ингушетии в 1941–1945 гг. нашла достойное отражение в современной отечественной исторической литературе.

Саратовский историк, известный российский ученый-исследователь А. П. Мякшев, высказывая основанную на верифицированных источниках собственную точку зрения о фактах доказанной коллаборации части представителей кавказско-тюркских, мусульманских народов, пишет: «В специальной литературе давно существует утверждение о том, что две трети из 18,5 тыс. призванных в действующую армию из Чечено-Ингушской АССР были добровольцами, что среди частей, прославившихся своей стойкостью и мужеством при защите Сталинграда, был 255-й отдельный чечено-ингушский полк. Правда о чеченцах будет не полной, если историк «забудет» о подвигах пулеметчика Ханпаши Нурадилова, снайпера Абухажи Идрисова, кавалериста Мовлида Висайтова и других чеченцев-героев. Нет ничего вредного и в историческом мифе о старшем лейтенанте чеченце Бурханове, которого некоторые издания называют последним защитником Брестской крепости, и в красивой легенде о сотне боевых офицеров-чеченцев, простоявших после депортации и приказа об увольнении всех чеченцев с фронта на Красной площади целый день и, благодаря вмешательству К. К. Рокоссовского, вновь отправленных воевать с врагом» [31, с. 114–117].

Согласимся с мнением А. П. Мякшева, который раскрывает тему с применением новей-

шей методологии исследования исторических процессов, основанной на применении синергетического подхода к анализу любого исторического явления. Неприемлема и недопустима также лакировка «неудобных» исторических фактов, как пишет автор, «ради сиюминутной политической выгоды» [31, с. 114]. Историческая справедливость требует отметить наличие проявлений элементов коллаборационизма практически на всех территориях, оккупированных германскими вооруженными силами [32].

В отечественной историографии достигнут определенный уровень выявления и освещения масштабов, форм выражения коллаборационизма на оккупированных территориях различных регионов Советского Союза, в том числе северокавказского [33, с. 147–168].

В апреле 1943 г. с началом освобождения советских территорий от нацистской оккупации издается Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». Уже в июле 1943 г. перед трибуналом Северокавказского фронта предстали 11 изменников Родины, служивших в Зондеркоманде 10-А. Из них 8 подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение, трое к каторжным работам сроком по 20 лет каждому [1, с. 779].

В ряде публикаций в северокавказской региональной историографии, в том числе трудах чеченских ученых, делается акцент на теме депортации и лишениях репрессированных соотечественников. Память как эстафета передается послевоенным поколениям, она стала основой идентичности ряда народов. Память как дань уважения предкам генетически определяет этнонациональную специфику менталитета представителей восточной цивилизации – кавказских народов.

Наряду с гордостью за достойный вклад в Победу и достижения осталась передаваемая молодому поколению как эстафета памяти незабываемая обида за несправедливость тотальной депортации «за предательство» в годы Великой Отечественной войны. Перспектива дальнейшего углубленного исследования темы лежит в плоскости привлечения и историко-ведческого анализа дополнительно выявленных и введенных в научный оборот новых групп источников и документов, которые позволят прийти к выводам концептуального характера.

Различного рода формы проявления коллаборации на временно оккупированной территории СССР имели место во всех захваченных районах страны. Согласимся с суждением С. Г. Осмачко, согласно которому далеко

не бесспорной является «классификация», предлагающая выделить «детский», «половой виды коллаборации». На самом деле «культурный», «духовный» интеллектуальный, «идеологический» виды коллаборационизма находят прямое отражение в такой форме, как политическая коллаборация [34, с. 230–241]. Из всех предложенных в историографии подходов наиболее оптимальным, по нашему представлению, является предложенная С. В. Кудряшовым типология коллаборационизма, в которой выделяются три основные формы: военное, политическое и экономическое сотрудничество.

Эти формы включают и некоторые более градуированные указанные выше дефиниции такого сложного социального феномена, как коллаборационизм. На временно оккупированной территории Советского Союза в 1941–1944 гг. развернулось движение Сопротивления – позиция всенародная борьба партизан и подпольщиков против германских оккупационных частей. Не дала ожидаемых результатов разработанная летом 1942 г. и одобренная самим Гитлером тактическая концепция германских оккупационных органов – провести так называемый «Кавказский эксперимент» с целью привлечения на свою сторону народов Кавказа. Провокационные листовки, фотоснимки, воззвания, обещания «свободы и благосостояния», создание национальных органов управления – все было пущено в ход для того, чтобы «умиротворить» горцев и казаков и добиться от них безропотного послушания оккупационной армии. Общий вывод, основанный на анализе верифицированных исторических источников, свидетельствует о том, что потерпели крах все попытки и ухищрения поборников «нового порядка» склонить советские народы, в том числе на Северном Кавказе, ко всеобщему коллаборационизму: этим амбициозным планам был противопоставлен народный подвиг [33, с. 147–168].

На наших глазах в западном общественном мнении вершится масштабная фальсификация, когда историческая панорама конца 1930 – первой половины 1940-х гг. фактически делится на два противоположных полюса. На одном – Третий рейх и СССР, роль которых в развязывании войны уравнивается, на другом – США и союзники по антигитлеровской коалиции, «защитники от мирового зла». Советский Союз, подвергшийся агрессии, и нацистская Германия – победители и побежденные – ставятся на одну доску.

В дискуссионном поле полемики историков, политологов и политиков историческая память используется как инструмент разжигания русофобии, ксенофобии, преследуется цель переформатировать массовое общественное сознание. Этой задаче подчинена в том числе коммеморативная практика и мемориальная политика,

направленная на войну с исторической памятью, позорные «победоносные сражения» с памятниками советским командармам, сокрушившим нацизм и освободившим в 1944–1945 гг. оккупированные Германией страны Европы. В Польше, Словакии, Литве, Латвии, Эстонии, Чехии и ряде других стран созданы «Институты национальной памяти», «Управления по расследованию преступлений коммунизма», «Музеи оккупации», «Музеи жертв нацизма и коммунизма» и т. п.

На Украине до недавнего времени оставшимся в живых воякам дивизии СС «Галичина» назначались дополнительные пенсии, день освобождения Львова 27 июля был объявлен «днем траура и закабаления московским режимом». Улица Александра Невского в Киеве теперь носит имя Андрея Шептицкого, митрополита, благословившего в 1941 г. дивизию СС «Галичина» на борьбу с Красной Армией.

Важность обращения к этой тематике вызвана активными попытками современных антироссийских сил трансформировать сложившиеся оценки ревизировать итоги Великой Отечественной войны. Сегодня подвергается аберрации достоверный исторический факт нашего вклада в Победу над нацизмом во Второй мировой войне, предать забвению который мы не имеем права. Красная Армия освободила от германского нацизма 120 млн чел., проживавших в 16-ти независимых на настоящий момент странах Европы. В освобождении еще 6-ти стран Советские Вооруженные силы участвовали вместе с союзниками. Свыше 7 млн советских воинов 15 месяцев вели бои за освобождение Европы. За это была заплачена непомерно высокая цена – свыше 1 млн чел. погибшими [35, с. 105–123].

Попытка преувеличить масштабы советского коллаборационизма, показать имеющее место в любой армии мира издержки в РККА как тотальные преступления «мстителей» преследуют цель переставить акценты в дихотомии «победитель – побежденный». Защита исторической правды о Великой Отечественной войне имеет колоссальное значение в условиях развернувшейся антироссийской информационной войны, в которой представляется искаженный образ СССР. Полное исследование и освещение истории Второй мировой и Великой Отечественной войны еще далеко от завершения. Продолжается изучение этого глобального масштаба события в истории стран, выявляются и вводятся в научный оборот новые документы и факты, которые становятся доступными для исторического сообщества.

В этом контексте представляется необходимым подчеркнуть важность доступности новых архивных документов и материалов, в том числе немецких.

Значительный вклад в развитие источниковедения истории периода Второй мировой и Великой Отечественной войны вносят сотрудники Германского исторического института в Москве (ГИИМ), в частности Маттиас Уль, (Matthias Uhl) – доктор исторических наук, автор монографий и статей на русском и немецком языках, соавтор сборников, принявший активное участие в реализации российско-германского проекта по оцифровке (дегитализации) немецких документов в архивах Российской Федерации. В Бундесархиве в Германии, по оценке доктора Маттиаса Уля, крайне мало документов о «восточной кампании». Крупнейшим архивохранилищем нашей страны является Федеральное государственное казенное учреждение «Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации» (ЦАМО РФ), в котором находится на хранении 20 244 243 архивных дела, в том числе 60 477 024 единицы хранения военно-медицинских документов. Из этого количества 10 951 948 дел относятся к периоду Великой Отечественной войны. Архив документов нацистской Германии в ЦАМО состоит из 28 тыс. дел общим объемом 2,5 млн листов. Здесь, кроме немецких, хранятся японские, итальянские, румынские, финские документы. На некоторых делах стоят штампы спецслужб США, которые, по всей видимости, были переданы СССР в рамках сотрудничества союзных войск. Большая часть – это военные документы, дневники, отчеты об операциях, доклады, даже альбомы с фотографиями, из которых историки узнают больше о повседневной жизни на оккупированных нацистами территориях, а также о судьбе многих советских военнопленных. Для оцифровки архива Фонд имени Макса Вебера выделил почти 2,5 млн евро, на которые были приобретены высокотехнологичные сканеры и другая техника для дегитализации. Сегодня оцифрованные документы нацистской Германии из Центрального архива Министерства обороны России размещены в сети Интернет.

Становятся доступными для современных исследователей оцифрованные или готовящиеся к дегитализации документы федеральных государственных архивов РГВИА, МИД, ФСБ России. Эти поистине бесценные свидетельства документальной памяти советского народа и его роль в Победе над нацистской Германией в величайшей из войн позволят значительно расширить источниковую базу исторической науки [36].

Взаимодействие общества и власти в условиях жесточайшего противостояния с противником в 1941–1945 гг. в целом, а также такое недостаточно изученное и наиболее сложное для анализа социальное явление, как коллаборационизм, вызывают особый интерес и внимание в силу целого ряда обстоятельств. В современных условиях этот интерес обусловлен актуализацией

проблемы опасности возрождения нацизма, активными попытками фальсификации исторических реалий и непреходящей значимостью вклада народов СССР в Победу над нацистской Германией. Эта далеко не безобидная тенденция преследует конкретные политические цели подорвать основы национальной государственной безопасности Российской Федерации, базовой ценностью единения народов которой является гордость за вклад СССР в победу над Третьим рейхом и его сателлитами.

Проявления и особенности индивидуального и общественного сознания человека в экстремальных условиях периода Великой Отечественной войны нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании. Итоги войны показали, что желание сохранить свою жизнь любой ценой и пойти на сотрудничество, в том числе дать присягу «на верность Гитлеру и великой Германии» (военный коллаборационизм), определяло общественное сознание незначительной части советских граждан. Когда возникают крайне радикальные суждения и оценки состояния советского общества в годы войны, на вопрос «кто же победил сильного, беспощадного и коварного врага?» ответ один – народы СССР, объединенные усилиями воли. Великая Отечественная война явила миру поразительные образцы стойкости, невиданного в мировой истории героизма воинов и тружеников тыла, всех народов СССР, в том числе Кавказа, которые оставили немеркнущую память в сознании послевоенных поколений. Остается актуальной задача не позволить исказить эту Память во имя сохранения мира на планете.

Список литературы

1. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 863 с.
2. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород : Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009. 371 с.
3. Кудряшов С. В. «О проекте, посвящённом истории Великой Отечественной войны. Оценить готовность, подсчитать потери». URL: <https://historyrussia.org/polemika/intervyu-s-istorikami/otsenit-gotovnost-podschatat-poteri.htm> (дата обращения: 30.11.2022).
4. Малышева Е. М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке: Война 1941–1945 годов: современные подходы / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Наука, 2005. С. 305–339.
5. Хисамутдинова Р. Р. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии и зарубежной литературе // Вестник Оренбургского госу-

- дарственного педагогического университета. 2013. № 7. С. 117–125.
6. Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М. : Центрполиграф, 2012. 479 с.
 7. Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма : сборник / ред.-сост. Д. А. Жуков, И. И. Ковтун, Ф. Л. Синицын, Б. Н. Ковалев, С. И. Дробязко, Х. Куберский, А. А. Самцевич, А. Н. Белков, И. В. Грибков, С. А. Митрофанов. М. : Пятый Рим, 2020. 464 с.
 8. Золотарев В. А. Значение 50-томного документального труда «Русский архив: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Документы и материалы» для дальнейшего исследования проблем Великой Отечественной войны // Информационный бюллетень «Вестник архивиста». 2000. № 3–4. С. 63–70. URL: http://portal.rusarchives.ru/publication/vestnik/1991_ (дата обращения: 5 октября 10.2023).
 9. Боффа Джузеппе. История Советского Союза : в 2 т. Т. 2 : От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. / пер. с итал., 2-е изд. М. : Международные отношения, 1994. 632 с.
 10. Ганс Вернер Нойлен. «Европа и Третий Рейх». Проекты объединения германских властных структур 1939–45 годов. Мюнхен, 1987. URL: <https://www.yandex.ru/search> (дата обращения: 01.12.2022).
 11. Гилязов И. А. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «Третьего рейха». Казань : Татарское книжное издательство, 2005. 383 с.
 12. Гилязов И. А. Легион «Идель-Урал». М. : Вече, 2009. 304 с.
 13. Черепанов М. «Легионеры «Идель-Урала» в 1943–1944 г. спасли не только свою честь, но и честь народов Поволжья». URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/56975-legionery-idel-urala-v-1943-1944-godah-spasli-ne-tolko-svoyu-chest-no-i-chest-narodov-povolzhya> (дата обращения: 14.08.2023).
 14. Легион «Идель-Урал»: попытки реабилитации коллаборационизма среди татар в годы Великой Отечественной войны в Татарстане в постсоветский период // Татарские историки увлеклись оправданием военных преступников. URL: <https://posredi.ru/tatarskie-istoriki-uvleklis-opravdaniem-voennyh-prestupnikov.html> (дата обращения: 21.08.2023).
 15. Муса Джалиль «Единство слова и поступка» // Гатчинская правда. URL: <https://gtn-pravda.ru> (дата обращения: 21.08.2023).
 16. Тетрадь из Моабита. Последний подвиг Мусы Джалиля. URL: https://aif.ru/culture/person/tetrad_iz_moabita_posledniy_podvig_musy_dzhalilya (дата обращения: 21.08.2023).
 17. Мустафин Р. А. По следам оборванной песни. Казань : Татарское книжное издательство, 2004. 399 с.
 18. Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М. : Издательство Главного архивного управления г. Москвы, 2011. 432 с.
 19. Брычков А. С., Карпенко В. П. Коллаборационизм: причины, признаки и определения // Военно-исторический журнал (ВИЖ). 2019. № 6. С. 34–42.
 20. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 500 (Трофейные немецкие документы). Оп. 12462. Д. 9.
 21. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.
 22. Кривошеев Г. Ф., Андронников В. М., Гуркин В. В. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь / ред. Г. Ф. Кривошеев, А. В. Кириллин. М. : Вече, 2021. 384 с.
 23. Война Германии против Советского Союза, 1941–1945. Документальная экспозиция / под ред. Р. Рюрупа. Берлин : Argon, 1992. 288 с.
 24. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. / гл. ред. В. А. Золотарев (сопред.), Г. Н. Севастьянов (сопред.), В. П. Зимонин (отв. секр.). М. : Наука, 1999. Кн. 3. 510 с.
 25. Гареев М. А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 42–52.
 26. Дробязко С. И., Романько О., Семенов К. Иностранные формирования Третьего рейха. 2-е изд. М. : АСТ ; Астрель, 2011. 964 с.
 27. Штрайт К. «Они нам не товарищи...». Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / пер. с нем. И. Дьяконова ; предисл. и ред. И. Настенко. М. : Русское историческое общество ; Русская панорама, 2009. 480 с.
 28. Кудряшов С. В. Предатели, «освободители» или жертвы режима: советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 84–98.
 29. Дробязко С. И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых : сборник статей студентов, аспирантов, молодых ученых / отв. ред. Н. А. Кирсанов. М. : Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 1997. С. 131–133.
 30. Гаража Н. А. «Восточные рабочие»: труд и повседневная жизнь советских граждан в третьем рейхе. 1941–1945. М. : Прометей, 2022. 264 с.
 31. Мякишев А. П. Коллаборационизм на Северном Кавказе: историческая правда или исторический миф? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 114–117.
 32. Нансо Н. Т. На чужой стороне. Восточные легионы вермахта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / науч. ред. Е. М. Малышева. Краснодар : Мир Кубани, 2006. 208 с.
 33. Малышева Е. М. Идеологическое противостояние СССР и нацистской Германии в 1941–1945 гг.: воспи-

- тание ненависти к врагу // Вестник архивиста. 2015. № 2. С. 147–168.
34. *Осьмачко С. Г.* Советский коллаборационизм (1941–1945 гг.): актуальность дефиниции и социокультурный дискурс // Верхневолжский философский вестник. 2019. № 3 (18). С. 230–241.
35. *Малышева Е. М.* Искажение роли РККА в освобождении стран Центральной и Восточной Европы в современной европейской политике памяти // Известия Воронежского государственного педагогического университета (ВГПУ). Серия : «Педагогические науки», «Гуманитарные науки», «Психологические науки». 2020. № 2 (287). С 105–123.
36. Министерство обороны Российской Федерации [сайт Центрального архива]. URL: https://archive.mil.ru/archival_service/central/history.htm (дата обращения: 14.08.2023).

Поступила в редакцию 08.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 08.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 10.11.2023